

**В.Ф. Коломийцев**

## **А.А. Зиновьев как социальный мыслитель К 90-летию со дня рождения**

В отечественной общественной науке А. Зиновьев стал явлением. Он — неординарный и неоднозначный мыслитель. Научное и публицистическое наследие А.А. Зиновьева дает основание для кропотливой работы, которая ждет будущих исследователей нашей недавней истории.

*Ключевые слова:* социальная философия; современная социология; идеология советского периода и Запада; марксизм; коммунизм как реальность; глобальное общество; гротеск как методология.

**М**есто А.А. Зиновьева (1922–2006) в отечественной социологии и культуре продолжает оставаться предметом углубленных исследований. Логик, философ, социолог, романист, поэт, художник и в то же время изгой, оказавшийся в вынужденной эмиграции с 1978-го по 1999 год, — имя и судьба Александра Александровича обрастает легендами. Некоторые, особенно за рубежом, считают его просто гением, сравнивают со Свифтом, Рабле, Салтыковым-Щедриным по силе сатиры и гротеска в описании современного общества, а также одним из трех величайших логиков в истории науки. Но есть и такие, кто полагает, что его творчество было неравноценным и неоднозначным.

В тяжелый период «безвременья» на профессиональном поприще Александр Зиновьев прорвался на зарубежную аудиторию большой серией своих произведений («Зияющие высоты», которые обернулись для него высылкой из страны, «Желтый дом», «Гомо советикус», «Затея», «Коммунизм как реальность» и др.). Однако в отличие от ослепленных антикоммунизмом диссидентов, публиковавшихся в «самиздате» и «тамиздате», Зиновьев отнюдь не стал антисоветчиком.

Не касаясь всего многообразия творчества А. Зиновьева, хотелось бы остановиться на его вкладе в отечественную социологию. Подобно известному русскому социологу Н.К. Михайловскому он был талантливым популяризатором социологических знаний в литературно-публицистической форме.

Как логик А. Зиновьев получил широкую известность за рубежом. Еще в 1968 году он был избран членом Академии наук Финляндии. Со временем образование вокруг него агрессивной социальной среды, грозившей остановкой его профессиональной деятельности, подтолкнуло ученого приступить к реализации давно вынашиваемого проекта социального анализа советского общества.

В беседе с академиком РАН Л.Н. Митрохиным (1930–2005) А. Зиновьев достаточно четко обозначил некоторые принципы своего социологического видения. Прежде всего он отметил, что во второй половине XX века эмпирические методы захватили безраздельное господство, потеснив на задний план теоретические (логические) методы традиционной социологии. [1: с. 46]. Это касалось как западной, так и отечественной социологии.

По мнению ученого, причин застоя теоретической мысли было несколько.

1. У людей «складываются свои представления о социальных объектах — так называемые житейские, или обывательские представления, которые имеют мало общего с их научным пониманием. Тем не менее гигантское число дилетантов высказываются о них, сочиняя бесчисленные книги и статьи...».

2. Далее, суждения о социальных явлениях неизмеримо сильнее затрагивают интересы различных категорий людей, чем суждения о других явлениях бытия. «Поэтому эта среда изначально находилась и находится теперь под неусыпным контролем официальных идеологов, включая религиозных».

3. Научный подход к социальным объектам составляет лишь ничтожную долю в колоссальной продукции сферы профессиональных исследований. «В исследованиях социальных объектов затруднен и ограничен, а в основном вообще исключен лабораторный эксперимент в таком виде, в каком он применяется в естествознании» [1: с. 45–46].

Заслуживает изучения зиновьевская логическая социология. Как отметил доктор философских наук Вал.А. Луков, Зиновьев не раз говорил о том, что та социология, которая сейчас преподается, — это чисто американский вариант, это перевод нашего мышления в американские термины. И в итоге мы получаем нечто совершенно другое. «Из современных курсов социологии, даже относительно хороших, узнать, что собой представляет наше общество, почти невозможно. Из книг Зиновьева — точно возможно» [1: с. 91–92].

В творчестве А. Зиновьева просматривается сравнительный анализ двух общественных систем — советской и западной. Начинал он, конечно, с советской системы. По словам его супруги О.М. Зиновьевой, познать, каким советское общество является объективно, стало «всепоглощающей страстью» сознательной жизни ученого. Он все более ясно осознавал, что главным препятствием на пути к тому пониманию реального коммунизма, к которому необходимо стремиться, были не советская государственная идеология (марксизм-ленинизм) и не запреты, а отсутствие подходящей методологии исследования [1: с. 168–169].

В смелости Зиновьеву-исследователю нельзя было отказать. Своим научным и жизненным кредо ученый избрал то представление о жизни, которое сформулировал в книге «Иметь или быть?» известный американский философ и психолог Эрих Фромм. Зиновьев писал уже после своего возвращения в Россию: «Жить по формуле “быть” — гораздо более высокое качество жизни, чем жить по формуле “иметь”. Формула “иметь” уже в то время, когда я формировался и рос, у большинства людей начинала доминировать. А сейчас она

буйствует, эта формула. Это — деградация. А жить по формуле “быть” — высочайшее качество жизни, которое я не сменю ни на что другое» [8].

А. Зиновьев создает немало новых социологических терминов и понятий. Социализм он называл коммунизмом, давая тем самым понять, что это не какой-то будущий идеал, а реально существующий строй со всеми его достижениями и недостатками. Синонимом коммунизма у него еще выступает «коммунальность», предполагающая большую роль различных гражданских коллективов как ячеек общества. Капитализм он отождествляет с товарно-денежными отношениями, с западноевропейской культурой, имеющей отпечаток греко-римской цивилизации [6: с. 300]. Такое объяснение — не по Марксу — очевидно, еще станет предметом всестороннего обсуждения: некоторые увидят в нем «новое слово», другие будут критиковать.

В социологической теории Зиновьева заметное место занимают взаимоотношения социального атома-индивида и «социальной организации» (трудового коллектива, корпорации), которые нивелируют социальные отношения при социализме и капитализме. Социальная организация не только контролирует сферу труда человека, но и все более активно вмешивается в его частную жизнь. Общественный контроль приводит к тому, что человек незаметно для себя все больше становится социальным атомом. Эта концепция, подтверждая, с одной стороны, известный механизм социализации личности, с другой, — затушевывает природу политических отношений, вопрос о власти.

В то время как советские социологи, находившиеся под партийным контролем, не осмеливались затрагивать тему социального расслоения и социального неравенства, имевших место, Зиновьев один из первых заговорил о реальной стратификации, которая не укладывалась в официальную версию о двух дружественных классах (рабочих и крестьян) и о «прослойке» интеллигенции.

«Можно ли употреблять слово «класс»? — вопрошает один из его персонажей и отвечает: «Сходите на любой достаточно современный завод и вы увидите такие различия в рабочем классе, что наши представления о классах, навязанные в сочинениях классиков, покажутся чудовищным анахронизмом. Работающие на заводе люди различаются по уровню зарплаты, по условиям работы, по роли в производстве и многим другим признакам, исключающим возможность рассматривать их как однородную массу рабочих. А сколько у нас министерств, трестов, советов, комитетов партии, комсомола и профсоюзов, союзов и прочих учреждений! И они не однородны. Самый маленький чиновник в аппарате ЦК партии может оказаться значительнее в социальном отношении самого крупного лица в нижестоящем учреждении» [5: с. 48].

Одной из причин распада СССР, по мнению Зиновьева, стало стремление отнюдь не мифического «среднего класса», зараженного мелкобуржуазной идеологией, к политической власти. Однако Зиновьев вовсе не шел на поводу у западных советологов, трубивших о проявлении в СССР нового правящего класса. Он показал более сложную и адекватную действительности систему

властных отношений в советском обществе, не сводившуюся к одной высшей партийной номенклатуре.

Очень точно взгляд социолога на советский общественный строй сформулировал украинский политолог Г.П. Гребенник. Он писал: «А. Зиновьев провел анатомическое вскрытие коммунистического общества и показал, как работает его система управления. Он выдал тайну системы. Эта система неполитическая, беспартийная, неправовая. Это — строй начальников... В условиях этой системы требование ликвидации монополии КПСС на власть было равносильно пожеланию, чтобы у человека вместо одной головы было несколько и каждая претендовала бы на лидерство» [2].

Уникальность социологических наблюдений Зиновьева состояла в том, что в них могли разобраться прежде всего специалисты, а мало эрудированная публика усматривала в его едкой сатире только очернение советской действительности. Примитивизация советской жизни как сатирический прием импортировала западным читателям, но не могла понравиться многим нашим соотечественникам, знавшим, что советская эпоха превратила отсталую аграрную страну в индустриальную с передовой техникой, дала народу бесплатное образование и медицину, защитила мир от фашистской нечести. В оригинальной форме (не в научных монографиях, а в романах) Зиновьев тем не менее попытался теоретически осмыслить советский строй.

Объясняя свое литературное творчество в эмиграции в предисловии к книге «Затяга» в 1999 году, Зиновьев писал: «...Мои критические умозаключения сложились и развивались независимо от западного влияния и дессидентства, сложились на основе наблюдения и переживания имманентной эволюции советского общества... Я тогда имел весьма смутное представление о ходе “холодной войны” и о ее механизмах, лишь через несколько лет (в 1984 году) я стал догадываться о переломе в западной стратегии “холодной войны” в направлении подготовки советской антикоммунистической “революции”, то есть грандиозной диверсионной операции по разгрому Советского Союза и советской социальной системы» [5: с. 11].

После 1991 года основной темой своих публикаций А.А. Зиновьев избрал западный мир. В 1995 году он выступил с книгой «Запад (феномен западнизма)», в которой изложил свое видение социального строя западного общества. Продолжением идей, высказанных в этой работе, явилась футурологическая повесть «Глобальный человек», написанная на пороге третьего тысячелетия.

Во введении к своему повествованию автор отметил: «Наш XX век был, может быть, самым драматичным в истории человечества с точки зрения судеб людей, народов, идей, социальных систем и цивилизаций. Но несмотря ни на что, он был веком человеческих страстей и переживаний — веком надежд и отчаяния, иллюзий и прозрений, обольщений и разочарований, радости и горя, любви и ненависти... Надвигается громада веков сверхчеловеческой или постчеловеческой истории, истории без надежд и без отчаяния, без иллю-

зий и без прозрений, без обольщений и без разочарований, без радости и без горя, без любви и без ненависти» [3: с. 9].

По всем правилам жанра фантастики Зиновьев рисует свой вариант сверхчеловека — «западоида», который может посоперничать со сверхчеловеком Ф. Ницше: «Западоиды внутренне свободны от моральных и прочих человеческих ограничений. Тут действует принцип: если западоид может совершить в своих интересах порицаемый или наказуемый поступок, будучи уверен в том, что ему удастся избежать порицания или наказания, он совершит его... Западоиды лишь притворяются нравственными из тех или иных практических соображений, да и то лишь иногда» [3: с. 411].

Западный, так называемый «свободный мир» отнюдь не освободился от социальных пороков прошлого. По словам автора, «преступность, конечно, не прекратилась. Преступники вступили в непримиримую борьбу с изобретателями средств борьбы с ними, изобретая еще более совершенные средства преступлений. Началась “гонка вооружений”, ставшая одним из стимулов научно-технического прогресса. Концерны, производящие средства для преступников против средств самозащиты от них, вошли в число важнейших предприятий Западного Союза». Зиновьев пророчески констатирует в повести: «Преступность пронизывает все сферы, все уровни, все подразделения общества во всех его разрезах. Общество уже бессильно бороться с преступностью.... Сейчас обсуждается проект закона, согласно которому большое число преступников представителей высших слоев, пока еще считающихся преступниками, но фактически ставшими ненаказуемыми и не разоблаченными официально, будет исключено из категории преступных» [3: с. 342].

В чем ученый усматривал органический порок западной цивилизации? От лица одного из персонажей повести, поднявшегося от социального дна до специалиста «мозгового центра», он писал: «Формально я был свободен выбирать профессию, место жилья, работу. Формально я мог развивать любые идеи и предавать их гласности. Но другие были свободны не помогать мне в реализации моих свобод, а добиваться реализации свобод для себя. Они сами были в положении, подобном моему. Но по отношению ко мне они выступали как внешняя принудительная сила, сводящая мои свободы на нет. Формально свободные, мы общими усилиями создали механизм беспрецедентного тотального закрепощения» [3: с. 85].

Тонкий социолог и публицист не обошел вниманием и телевизионное оболванивание граждан. Новое «Глобальное общество», по Зиновьеву, стало цивилизацией компьютеров, обезличило национальную культуру, создало единый универсальный язык на базе упрощенного английского. Олицетворением новой эпохи стала Ева Адамс. Единственной и всепоглощающей страстью ее жизни стал компьютер, в который она педантично записывала все события своей жизни до мельчайших подробностей. Почувствовав приближение смерти, она продиктовала компьютеру последние слова: «Я полностью

удовлетворена тем, какую содержательную жизнь прожила. Я завещаю исповедь моей жизни Человечеству» [3: с. 30].

Вуаль футуризма в повести Зиновьева очень прозрачная. Автор вскрывает реально идущие в мире процессы и прежде всего процесс глобализации (создания «Глобального общества»). Он замечает, что идея Глобального Общества есть идея западная, а не абстрактно мировая. Инициатива движения к такому обществу исходила от Запада. В ее основе лежало не столько стремление различных народов к объединению (такое стремление появляется редко), сколько стремление Запада занять господствующее положение на планете, организовать все человечество в своих интересах, а не в интересах некоего абстрактного человечества.

«Система сверхгосударственности, — пишет Зиновьев, — не содержит в себе ни крупинки демократической власти. Тут нет никаких политических партий, нет никакого разделения властей, публичность сведена к минимуму или исключена совсем, преобладает принцип секретности, кастовости, личных сговоров. Члены правящего слоя образуют замкнутые касты» [3: с. 121].

Зиновьев-социолог сравнивает буржуазно-либеральный общественный строй и строй социалистический. Разбирая «феномен западнизма», он категорически заявляет, что капитализм не смог бы занять прочного места в мире без покровительства и защиты со стороны государственной власти. Еще в 90-е годы XX столетия А.А. Зиновьев отмечал, что западная идеология и пропаганда раздувают видимость демократии так, что создается впечатление, будто ничего другого нет или, по крайней мере, все прочее играет второстепенную роль. «А между тем в западных странах имеется мощная и довольно стабильная часть государственности, которая находится вне демократии. Она состоит из административно-бюрократического аппарата, полиции, судов, тюрем, армии, секретных служб и многочисленных учреждений и организаций, так или иначе связанных с государством и работающих на него. И все это строится совсем не по демократическим принципам [10: с. 423].

По глубокому наблюдению Зиновьева-социолога, на месте партий, объявляющих себя «общенародными», сложился определенный политический класс профессионалов от политики, ставших частью государственной структуры. «И одна из функций этих партий, — указывает он, — за хорошее исполнение которой их поддерживают влиятельные силы, — создать видимость классового примирения, помешать возникновению или усилению классовых партий, которые могли бы объединить недовольных и направить их активность на изменение существующего общественного устройства» [4: с. 213]. Данные политические технологии вполне приживаются и в современной России.

В 1993 году А.А. Зиновьев восстановил на Родине свое гражданство, а в 1999 году вернулся в Москву. На это его решение повлияло изменение международной обстановки после нападения США и НАТО на Югославию. Александр Александрович расценил эту акцию как пробный шаг к удару

по России в недалеком будущем и решил, что не может в сложившейся ситуации не быть со своим народом. Ему помогли с получением жилья в Москве, с работой и возможностью публиковаться. Прохладное отношение к нему со стороны официальной науки очень точно определил директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета А.И. Фурсов. По его словам, Зиновьев оказался «не нужен хозяевам этого общества и их “интеллектуальной” службе — всем этим политологам из несостоявшихся советских журналистов и пропагандистов, преподавателей научного коммунизма, “специалистов” политпросвета и прочей бездари» [1: с. 312].

Чем поразила ученого Москва? Разрушением советских коллективов — самой глубокой болезнью нашего города и общества в целом. «Город выглядел для меня оживленным в мультфильме кладбищем» [7].

Ученый-социолог реабилитирует подлинные достоинства социалистической системы, незаслуженно подвергшиеся очернению. Громкой отповедью антикоммунистам всех мастей стало заявление Зиновьева: «О коммунизме написаны горы книг, статей, фраз, слов. Но во всей прокоммунистической и антикоммунистической литературе не сказано ни одного слова о самой главной черте коммунистического строя. Это главное состоит в органической способности породить идеи и средства, организующие жизненный поток в единое осмысленное целое» [5: с. 551].

А.А. Зиновьев дал четкую характеристику социалистического строя, ещё находясь на Западе, в книге «Коммунизм как реальность». То, что на Западе, да и у нас сейчас, называют «советским режимом», по мнению Зиновьева, есть естественная организация многих миллионов людей в единый социальный организм. «Эту организацию невозможно сбросить, не разрушив общество до основания физически. Здесь фактически в систему власти вовлечено почти все взрослое здоровое и активное население» [6: с. 220].

В то время как западная пропаганда всю обвиняла Страну Советов в тоталитаризме и полицейском режиме, сравнимым с гитлеровской Германией, Зиновьев достаточно четко обрисовал отличительные особенности социалистического государства. Он отметил, что не насилие, а созидательная, организующая функция государственного аппарата, состоящая «в обеспечении всей жизнедеятельности общества как единого организма», выражает его главную сущность.

Зиновьев отбрасывает определение советской истории, связанной с эпохой Л.И. Брежнева, как «период застоя». В действительности была достигнута высокая стабильность общества. «Словечко “застой”, — отметил он, — идеологическая пустышка в языке горбачевцев наряду с другими словесными фетишами вроде “консерваторы”, “гласность” и т.д. В брежневские годы произошли огромные перемены в стране и в мире. Думаю, что они еще станут предметом беспристрастного исследования в будущем. Если уж искать какие-то условия кризиса в брежневском периоде, то в первую очередь следовало бы назвать не застой, а именно чрезмерность успехов и усложнения общественного организма и его чрезмерное влияние в мире» [6: с. 394].

Зиновьев отверг широко распространенное представление о том, что только экономика, действующая на рыночных принципах, может быть эффективной. Все зависит от целей производства и критериев его оценки. «Есть два подхода к оценке производственной деятельности людей и предприятий, — писал он, — экономический и социальный. Не всякая организация производства и вообще деловой жизни общества осуществляется в соответствии с экономическими принципами... Социальные же критерии основываются на том, в какой мере деятельность предприятия соответствует интересам целого общества или какой-то его части» [6: с. 401].

Экономика СССР представляла собой как бы единое предприятие, в котором отсутствие прибыли в одних подразделениях компенсировалось прибылью в других. Если бы такая экономика была неэффективной, она не смогла бы поддерживать на достаточном уровне оборону страны и развивать социальную сферу — бесплатное образование и медицину, учреждения культуры и спорта.

Социолог реабилитирует международное значение коммунизма не как идеального будущего, а в том реальном значении, которое он действительно имел в нашей стране. По его словам, «влияние нашей революции и того, что делалось у нас, на все человечество было таким могучим, что весь мир, в том числе и Запад, несмотря ни на что, пошел в этом направлении. Многих достижений, которые можно наблюдать на Западе, не было бы, не будь Советского Союза, не будь этой конкуренции двух систем» [9].

В своем последнем крупном произведении «Фактор понимания» (2006) он разрабатывает некую новую технологию понимания, с помощью которой человек может оказывать влияние на свою жизнь, придать ей достоинство ответственного существования [1: с. 66].

### *Литература*

1. Александр Александрович Зиновьев: сб. ст. / Под ред. А.А. Гусейнова. М.: РОССПЭН, 2009. 376 с.
2. Гребенник Г.П. Социологический макиавеллизм А.А. Зиновьева // <http://zinoviev.info/wps/archives/92>.
3. Зиновьев А.А. Глобальный человек. М.: Центрполиграф, 2000. 459 с.
4. Зиновьев А.А. Запад (Феномен западнизма). М.: Центрполиграф, 1995. 461 с.
5. Зиновьев А.А. Затея. М.: Центрполиграф, 2000. 555 с.
6. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994. 495 с.
7. Зиновьев А.А. // Правда. 2001. 12–15 октября.
8. Зиновьев А.А. // Правда. 2002. 29–30 октября.
9. Зиновьев А.А. // Правда. 2004. 20–21 января.
10. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. 528 с.

*References*

1. Aleksandr Aleksandrovich Zinov'ev: sb. st. / Pod red. A.A. Gusejnova. M.: ROSSPE'N, 2009. 376 s.
2. *Grebennik G.P.* Sociologicheskij makiavellizm A.A. Zinov'eva // <http://zinoviev.info/wps/archives/92>.
3. *Zinov'ev A.A.* Global'ny'j chelovejnik. M.: Centrpoligraf, 2000. 459 s.
4. *Zinov'ev A.A.* Zapad (Fenomen zapadnizma). M.: Centrpoligraf, 1995. 461 s.
5. *Zinov'ev A.A.* Zateya. M.: Centrpoligraf, 2000. 555 s.
6. *Zinov'ev A.A.* Kommunizm kak real'nost'. M.: Centrpoligraf, 1994. 495 s.
7. *Zinov'ev A.A.* // Pravda. 2001. 12–15 oktyabrya.
8. *Zinov'ev A.A.* // Pravda. 2002. 29–30 oktyabrya.
9. *Zinov'ev A.A.* // Pravda. 2004. 20–21 yanvarya.
10. *Zinov'ev A.A.* Faktor ponimaniya. M.: Algoritm; E'ksmo, 2006. 528 s.

**V.F. Kolomiicev**

**A.A. Zinoviev as a Social Thinker**  
***On the 90<sup>th</sup> Anniversary of His Birth***

A. Zinoviev became a phenomenon in the national social science. He was an extraordinary and ambiguous thinker. Scientific and publicistic legacy of A.A. Zinoviev provides a basis for laborious work that awaits future researchers of our recent history.

*Key words:* social philosophy; modern sociology; ideology of the Soviet period and West; Marxism; communism as a reality; global society; grotesque as a methodology.